

ЛІТЕРАТУРА

1. Історія української літератури XIX століття: у 3- кн. Кн. 3: навч. посібник /за редакцією М.Т. Яценка. Київ:Либідь, 1997. С. 151–156.
2. Матвеева Т.С. Богопокинутість як абсолют змодельованого українським романним дискурсом другої половини XIX ст. світу. *Вісник Житомирського державного університету ім. І. Франка Філологічні науки*. 2016. Випуск 1 (87). С. 234–238.
3. Мирний Панас «Повія» збір. тв. у 7 т./упорядник П.О. Василевська. Київ:Наукова думка, 1969. Т. 3. С. 232–456.
4. Ніколаєнко М.В. Актуальні проблеми слов'янської філології. Опозиція моралі міста і села в романі Панаса Мирного «Повія» у контексті онтологічної проблеми «буття людини». *Актуальні проблеми слов'янської філології. Серія: лінгвістика і літературознавство*. 2010. Випуск XXIII. Частина 3. С. 117–123.
5. Українська література (профільний рівень) 10 кл. / В.І. Пахаренко. Київ: Грамота, 2018. С. 58–84.
6. Українська література 10 клас/ Г.Ф. Семенюк. Київ: «Освіта», 2010. С. 36–52.

Елена Карпина
г. Бахмут

СПЕЦИФИКА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА ПЕНТАЛОГИИ ВС. С. СОЛОВЬЁВА «ХРОНИКА ЧЕТЫРЁХ ПОКОЛЕНИЙ»

Одной из форм выражения историософских взглядов Вс. С. Соловьёва, нашедших отображение в его главном литературном труде – пятитомной «Хронике четырёх поколений» – является пространственно-временной континуум, не тождественный, в нашем представлении, понятию «хронотоп» (от греч. *chronos* – время и *topos* – место). Последнее, введённое в литературоведение М. М. Бахтиным, обозначает «существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе». По убеждению учёного, в художественном мире произведения «имеет место *слияние* пространственных и временных примет в осмысленном и конкретном целом. <...> Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем» [1, с. 234-235]. Иными словами, предметы, заполняющие художественное пространство, насыщены признаками определённой эпохи, а изображённая в произведении действительность оценивается с различных временных точек зрения и выглядит совершенно иначе для повествователя и персонажей. В единстве времени и пространства у М. М. Бахтина ведущим было время, а пространство выступало как зависимая от времени переменная величина.

Если же речь идёт о соловьёвской пенталогии, первостепенное значение

имеет не столько взаимосвязь и слияние её времени и пространства, сколько самоценность каждого из этих аспектов, выступающих конструктивными принципами организации художественного произведения.

Рассмотрим особенности художественного пространства, воссозданного в «Хронике четырёх поколений», под историософским углом зрения.

По убеждению Ю. М. Лотмана, которое мы полностью разделяем, художественное пространство «представляет собой модель мира <...> автора, выраженную на языке его пространственных представлений» [5, с. 414].

Художественное пространство пенталогии многомерно. Центром его является Российская империя, в которой разворачивается абсолютное большинство её событий. Административный и культурный центр России – Петербург – противопоставлен романистом четырём значимым для художественного мира цикла топосам – Москве, Гатчине, Чите и Горбатовскому. В каждой из четырёх бинарных оппозиций нами усматривается глубинная связь с историософскими убеждениями Вс. Соловьёва.

Особое значение для выражения историософских идей писателя имеет созданная им антитеза топосов «Петербург – Москва». Москва – истинно русский город в прямом смысле этого слова, в то время как Петербург – город европейский. Первая населена большей частью простым трудовым людом, а второй – представителями именитой русской аристократии и особами, приближёнными ко двору.

Петербург противопоставлен Гатчине как мир царствующей императрицы миру пребывающего в тени и ожидающего своего часа наследника престола.

Екатерина II окружена многочисленными придворными, привыкшими к красивой жизни, а Павел Петрович – узким кругом преданных ему лиц, способных довольствоваться малым и не помышляющих о роскоши, а потому – коренным образом отличающихся от пресыщенных петербуржцев.

Подчёркнутая простота и скромность обстановки гатчинской резиденции резко контрастируют с великолепием и блеском петербургского дворца. Ничего не изменилось в Гатчине по сравнению с предыдущим визитом Сергея к цесаревичу, имевшим место около восьми лет назад: «Те же самые маленькие, просто, почти бедно обставленные комнаты с низенькими потолками, та же *монастырская печальная пустота*» (курсив мой – Е. К.) [6, с. 71].

Уединённая жизнь великого князя в замкнутом пространстве гатчинской резиденции представляется молодому Горбатову в высшей степени ненормальной и не соответствующей его высокому сану. Царское Село, в котором императрица проводит тёплое время года, также не имеет ничего общего с Гатчиной.

Петербург противопоставлен Чите как сердце империи её окраине. Петербург – город стремящихся к получению новых чинов и упрочению своего общественного положения аристократов, а Чита – лишённых всего и отвергнутых обществом ссыльных каторжан. Примечательно, что жизнь последних представлена Соловьёвым в идиллическом ключе. Так, например, сосланный в Читу Борис и сознательно разделившая его участь Нина,

являющиеся частью большой дружной семьи, безмерно счастливы и полностью довольны своей жизнью.

Обращает на себя внимание достаточно интересный факт. В «Хронике четырёх поколений» частотным является употребление автором топонима «Сибирь». В творческом сознании романиста закрепилось противопоставление России Сибири – самобытному краю с уникальными традициями и культурой, прежде бывшему независимым и самодостаточным. В этом противопоставлении, как мы полагаем, автором пенталогии искусно завуалировано осуждение захватнической политики Российской империи.

Следует отметить, что многие современные русские историки, подобно Соловьёву, не могут примириться с фактом насильного присоединения Сибири к империи. Из значительного количества научных работ, посвященных этой проблеме, концептуально близкими к позиции писателя являются следующие: «Покорение Сибири. От Ермака до Беринга» М. И. Ципорухи [8], «“Исконно русская” земля Сибирь» А. А. Бычкова [2], «Покорение Сибири: Мифы и реальность» [4], «Идея сибирской самостоятельности вчера и сегодня» Д. Н. Верхотурова [3].

Таким образом, Чита предстаёт в «Хронике...» именно как сибирский город. Оппозиция «Петербург – Чита» представляет собой частную реализацию оппозиции «Россия – Сибирь». Преднамеренная конфронтация последних существенно расширяет художественное пространство пенталогии.

Достойным упоминания является тот факт, что Борис Сергеевич, переведённый на поселение в один из наиболее живописных уголков Сибири, не чуждается местных жителей и вступает с ними в приятельские отношения. Дружба одного из главных героев «Хроники...» с сибирскими дикарями не только свидетельствует об отсутствии у первого сословной спеси, но и подчёркивает необходимость культурного взаимодействия многочисленных народов, населяющих бескрайние просторы империи.

Петербург противопоставлен Горбатовскому не столько как город – деревне, сколько как центр – периферии, столица – провинции. Соловьёв преднамеренно сталкивает в художественном мире своего произведения два противоположных топоса с кардинально отличающимися друг от друга жизненными укладами.

Противопоставление столицы провинции в «Хронике...» не является единичным случаем, поскольку имеет место и в других произведениях писателя, а также его публицистике. В частности, в одной из статей, напечатанных в издаваемом им журнале «Север», о непреходящем значении провинции для Российской империи говорится следующее: «Для того, чтобы составить себе верное понятие о нашей действительности, надо жить в России, <...> и не в столице конечно, а в глубине страны, где развивается настоящая русская жизнь» [7, с. 14].

Петербург и Горбатовское являются полярными полюсами ключевой внутренней пространственной оппозиции пенталогии. Столица предстаёт в ней как гнездилище порока и всевозможных соблазнов, перед которыми не каждый может устоять. Провинциальное же село Тамбовской губернии – как райское

место, в котором молодёжи день ото дня прививаются усердно культивируемые старшим поколением высочайшие нравственные ценности. Петербург – придворный город, в котором плетутся бесконечные интриги, а вчерашний друг нередко становится врагом, а Горбатовское – тихая пристань, в которой нет места грязной клевете и предательству. Жизнь в Петербурге богата событиями и в значительной степени зависит от ценностных установок правящего монарха. Жизнь в Горбатовском течёт по раз и навсегда установленным законам. Её отличительные черты – постоянство и однообразие. Иными словами, динамике оживлённой столицы противостоит статика провинции.

В Петербурге, в котором, в отличие от русской глубинки, первое место отводится материальным благам, а не духовным ценностям, и нет простого человеческого участия в судьбе ближнего, личности, в высшей степени одухотворённые, чувствуют себя чужими, задыхаются в атмосфере всеобщего притворства и заискивания перед знатными особами, занимающими высокий пост в государстве, и, не желая, по примеру большинства, посвящать свою жизнь служению мнимым идолам, стремятся как можно скорее из него уехать.

Таким образом, центром многомерного художественного пространства «Хроники четырёх поколений» выступает Российская империя. В его пределах отчётливо обозначаются четыре бинарные оппозиции, служащие выражением историософских представлений В. С. Соловьёва: «Петербург – Москва», «Петербург – Гатчина», «Петербург – Чита» и «Петербург – Горбатовское».

Москве Петербург противопоставлен как европейский город, населённый придворными, высокопоставленными чиновниками и богатыми иностранцами – городу русскому, являющемуся обиталищем простого русского народа, изо дня в день трудящегося для обеспечения своего существования. Гатчине – как роскошная столица возглавляемой Екатериной II державы – раскинувшейся в её окрестностях мызе, подаренной ей сыну-наследнику. Чите – как первый город империи, жители которого, представители знатной русской аристократии, унаследовали от своих предков не только несметное богатство, но и высокое положение в социуме, – её окраине, краю каторжников, за которыми в обществе на долгие годы закрепился статус отверженных. Горбатовскому возведённый могучею волею Петра град противопоставлен в художественном мире романов цикла как политический и культурный центр России – глубинке, провинциальной деревеньке Тамбовской губернии.

В целом, художественный образ раскинувшейся на берегах Невы Северной Пальмиры, созданный творческим воображением писателя в его обширнейшем литературном труде, полностью вписывается в парадигму «петербургского текста русской литературы», в соответствии с которой она представляет собой одновременно прекрасный (роскошный) и ужасный (порочный) город. В то же время соловьёвский Петербург, воплотивший в себе персональные жизненные установки и историософские убеждения своего творца, существенно его обогащает и служит ему дополнением.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе: очерки по исторической поэтике. *Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет*. Москва: Художественная литература, 1975. С. 234–407.
2. Бычков А. А. «Исконно русская» земля Сибирь. Москва: Олимп: АСТ: Астрель, 2006. 316 с.
3. Верхотуров Д. Н. Идея сибирской самостоятельности вчера и сегодня. Москва: АСТ; Красноярск: АБУ; Владимир: ВКТ, 2009. 331 с.
4. Верхотуров Д. Н. Покорение Сибири: мифы и реальность / под ред. А. М. Буровского. Москва: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. 351 с.: ил. (Неизвестная Россия).
5. Лотман Ю. М. Проблема художественного пространства в прозе Гоголя. *Лотман Ю. М. Избранные статьи*: в 3 т. Таллинн: Александра, 1992–1993. Т. I: Статьи по семиотике и типологии культуры. 1992. С. 413–447.
6. Соловьев Вс. Собр. соч.: в 9 т. Москва: ТЕРРА – Книжный клуб, 2009. Т. 4: Хроника четырёх поколений: Вольтерьянец: исторический роман. 448 с.
7. Соловьёв Вс. С. Беседы «Севера»: I. Наша беда. *Север*. 1888. № 1. С. 12–15.
8. Ципоруха М. И. Покорение Сибири. От Ермака до Беринга. Москва: Вече, 2004. 400 с. («Тайны земли русской»).

Наталія Кобилко
м. Харків

УКРАЇНСЬКА ХИМЕРНА ПРОЗА В КОНТЕКСТІ СВІТОВОЇ ЛІТЕРАТУРИ

Українській химерній прозі присвячено чимало наукових праць як літературознавчого, так і мовознавчого характеру. Ученими було досліджено її специфіку, окремі аспекти цього явища, творчість яскравих представників, проаналізовано образи-символи та міфологеми. Метою нашої розвідки є порівняння химерної прози з магічним реалізмом, фентезі та готичним романом.

Найбільш ґрунтовними дослідженнями магічно-реалістичної та химерної прози можна вважати роботи Ю. Падар і Т. Коноваленко. Об'єднує ці два явища в літературі відсутність єдиного трактування. Так, магічний реалізм отримав такі назви: художній метод, дискурс постмодернізму, модерністська течія, концепція з магічним змістом [1, с. 197]. Для химерної прози існують такі дефініції: роман із певними особливостями, піджанр прози, явище, споріднене магічному реалізму. Порівнюючи українську та латиноамериканську прозу, ми знаходимо чимало спільного, проте вони розвивалися окремо, самостійно. Активний розвиток магічного реалізму спостерігається в 50-60-х рр. ХХ ст., апогею сягає у другій половині 60-70-х рр. із виходом роману Г. Гарсія Маркеса «Сто років самотності» (1970). Українська химерна проза зародилася дещо пізніше, і пов'язують її з романом О. Ільченка «Козацькому роду нема